

Вадим Аристов. Игорь Данилевский. Андрей Боголюбский. «Первый великоросс»

«В лице князя Андрея великоросс впервые выступает на историческую сцену...» – написал когда-то об Андрее Боголюбском великий русский историк Василий Осипович Ключевский. И речь здесь шла вовсе не об этнической принадлежности знаменитого владимирского князя. Ключевский в данном случае писал о «самых ранних и глубоких основах государственного порядка, который предстает пред нами в следующем периоде». Когда государственный центр Северо-Восточной Руси закрепится в Москве, «в лице московского князя получит полное выражение новый владетельный тип, созданный усилиями многочисленных удельных князей северной Руси: это князь-вотчинник, наследственный оседлый землевладелец, сменивший своего южного предка, князя-родича, подвижного очередного соправителя Русской земли». Однако уже на начальном этапе формирования «великоросской» системы отношений впервые великий князь начинает относиться ко всем своим родичам как к «подручникам», как к своим подданным – наряду с прочими жителями подвластных ему земель. Тем самым, по словам Ключевского, деятельность Андрея Дюгеревича (как его именуют летописи) «была попыткой произвести переворот в политическом строе Русской земли». Причем «глубокий перелом в жизни самой земли уже чувствовался больно, разрыв народности обозначился кровавой полосой, отчуждение между северными переселенцами и покинутой ими южной родиной было уже готовым фактом... тотчас по смерти Юрия Долгорукого, в

Киевской земле избивали приведенных им туда суздальцев по городам и по селам».

Собственно, эти характеристики и определили современное восприятие некоторыми историками Андрея Боголюбского как родоначальника деспотических порядков на Руси. Порядков, которые получили благодатную почву для укоренения и развития после ордынского вторжения и вхождения русских земель в состав Улуса Джучи.

Действительно, вся жизнь этого князя представляется бесконечным конфликтом между Северо-Восточной Русью и прочими русскими землями, которые то вынуждены подчиняться «самовластцу», то пытаются сбросить с себя слишком плотную опеку владимирского князя. В то же время вся его жизнь, как ее представляют наши современники, почти целиком состоит из легенд и мифов. В них-то мы и попытаемся разобраться.

Многие не слишком внимательные читатели курса лекций В. О. Ключевского, видимо, до сих пор полагают, что Андрей Юрьевич – «первый великоросс» в этническом смысле. Каково же было реальное этническое происхождение Андрея Юрьевича?

Он родился около 1112 года в семье ростовского князя Юрия Владимировича, прозванного позже Долгоруким. Матерью Андрея была дочь половецкого хана Аепы. Скорее всего, именно эта «половецкая составляющая» стала причиной того, что во внешнем облике Андрея антропологи, обследовавшие в 1934 году останки князя, разглядели яркие монголоидные черты (поскольку тогда ошибочно считалось, что половцы были монголоидами). «Общее впечатление от черепа, что он европеоиден... но лицевой скелет, особенно в верхней части (орбиты, нос, скуловые кости), имеет несомненные элементы монголоидности... Этот монголоидный характер лица подчеркивается некоторым нависанием верхнего

века, связанным со слабым надбровьем и наличием небольшого эпикантуса», – писал, в частности М. М. Герасимов. Все это хорошо заметно в его скульптурной реконструкции внешнего облика Андрея Боголюбского, хорошо известной по многочисленным публикациям.

Это наблюдение, однако, было опровергнуто судебным экспертом, профессором Российского центра судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения России В. Н. Звягиным, который в 2007–2008 годах провел повторную экспертизу костей Андрея с использованием современных программ, принятых при идентификации личности и орудий травм, включая детальную рентгено- и фотофиксацию останков и костных повреждений. Исследователь пришел к однозначному выводу: «предположение о том, что князь Андрей мог иметь монголоидные особенности, подобные тем, которые зафиксированы у коренного европеоидного населения Поволжья (татары, чуваша, башкиры) и Средней Азии (узбеки, таджики, туркмены), полностью исключается». Видимо, после этого нам навсегда придется расстаться с привычным образом «первого великоросса»...

Что касается заключения В. В. Гинзбурга и М. М. Герасимова относительно близости расового типа Андрея к «славянскому», «тяготеющего к северо-славянским формам», то и здесь мы сталкиваемся с плодом очевидного заблуждения. Оно основывалось на том, что Андрей – «наш» князь. И в этом заключении, скорее всего, объективные наблюдения были «скорректированы» общими представлениями о том, что Андрей Юрьевич, безусловно, восточный славянин. Более корректным выглядит заключение В. Н. Звягина, который установил, что лицо князя носило черты средневропейского варианта большой

европеоидной расы, к которой, помимо восточных славян, относятся немцы, чехи, словаки, поляки и другие народы Центральной Европы.

Действительно, восточным славянином Андрея Боголюбского, пожалуй, назвать нельзя. По мужской линии (а она в наших представлениях всегда доминирующая) великий князь кажется вполне «русским». Его дед – Владимир Мономах, прадед – Всеволод Ярославич, прапрадед – Ярослав Мудрый, прапрапрадед – Владимир Святославич (Святой), прапрапрапрадед – Святослав Игоревич, прапрапрапрапрадед – Игорь «Рюрикович». Все эти князья воспринимаются обычно в литературе и в массовом сознании как вполне «свои». Единственным генеалогическим «проколом» оказывается родоначальник династии, Игорь, который не только по летописному преданию, но и по имени больше, видимо, «тянет» не к славянам, а к скандинавам.

Зато обращение к женской генеалогической линии обычно приводит непосвященных в легкое замешательство. Бабкой Андрея была Гида (Гита), дочь последнего англосаксонского короля Гаральда II Годвинсона, павшего в битве при Сенлаке, прабабкой – дочь византийского императора Константина IX Мономаха (скорее всего, Мария), прапрабабкой – Ирина-Ингигерда, дочь шведского короля Олафа Скотконунга, прапрапрабабкой – полоцкая скандинавка Рогнеда (ее отец, Рогволод «пришель и-заморья»), да и имя прапрапрапрапрабабки, «псковитянки» Ольги – вполне скандинавское... Так что все предки князя, по крайней мере до пятого колена, были «иноэтничного» происхождения.

Не менее спорным оказывается и то, почему Андрей в исторической памяти носит прозвище Боголюбский. Традиционно

считается, что так он был назван по своей резиденции, отстроенной под Владимиром-на-Клязьме (в который Андрей перенес столицу своего княжества). Расположенная на таком же расстоянии от Владимира, как Вышгород от Киева, она стала называться Боголюбово. «Великий князь Андрей нарече место то Боголюбимое; оттоле же и сам прозвася Боголюбский», – читаем мы в «Житии святого и благоверного великого князя и стратотерпца Андрея Георгиевича Боголюбского», написанном, правда, через пять с половиной веков после описанных в нем событий. В основе этого – еще раз подчеркнем: очень позднего – «свидетельства» лежит легенда, будто резиденция князя была построена на том самом месте, где остановились и не хотели двигаться дальше кони, которые тянули «возило», на котором был образ Пресвятой Богородицы. «Сие чудо великий князь Андрей видя, яко кони не могут со образом двинути с места того, ужасом велиим одержим бе, чудяся необычному действу... И скоро повеле на том месте, идеже сподобися видети Небесную Царицу и скорбящих всех прескорую Утешительницу, во имя Ея, от чистожительствующих святопочитаемых родителей, преславнейшаго, ангелом благовестуемаго, от неплодове пречудодействуемаго Рожества, церковь каменную заложити».

Учитывая позднее происхождение Жития и целый ряд встречающихся в нем несообразностей и анахронизмов, архитектор С. В. Заграевский совсем недавно высказал предположение, что наименование резиденции и прозвище князя находятся в прямо противоположном соотношении: первая была названа по второму, а не наоборот.

В подтверждение исследователь, во-первых, привел целый ряд так называемых антропотопонимов: топонимов, происходящих от имен основателей или владельцев населенных пунктов. А вот

прозвищ князей, образованных от названий населенных пунктов, он обнаружить не смог. Единственным исключением было прозвище Ивана Берладника, восходящее к названию города Берлад, куда тот бежал, изгнанный своими братьями. Но и этот пример выглядит сомнительно: как отмечает Заграевский, «„берладниками“ на Руси называли изгоев-беглецов, часто находивших приют в Берладе (таковой была и судьба Иоанна)».

Во-вторых, исследователь привел множество летописных сообщений, в которых князья называются «боголюбивыми» и «боголюбимыми». Среди них – и Андрей Юрьевич: «Сый благоверный и христолюбивый князь Андрей уподобися царю Соломану, яко дом Господу Богу и церковь преславу святая Богородицы Рожества посреди города камену создав Боголюбом...» (Ипатьевская летопись). Автор делает вывод: «Из всех приведенных цитат следует, что „Боголюбивый“, „Боголюбимый“, „Христолюбивый“ или „Христолюбимый“ (соответственно, и „Боголюбский“) – вполне обычное почетное титулование князей в Древней Руси». К тому же он обращает внимание, что впервые Андрей Юрьевич начинает называться Боголюбским только в поздних источниках XVI–XVII веков. Да и видение Пресвятой Богородицы – это одно, а, как справедливо отмечает Заграевский, «название „Боголюбов“ связано именно с Богом (возможно, не с Богом Отцом, а с Богом Сыном, но в любом случае это совсем другой культ, нежели культ Богородицы)».

К этому можно добавить одно любопытное упоминание Ипатьевской летописи под 1149 годом. Описывая одно из сражений во время борьбы Юрия Долгорукого с его племянником волынским князем Изяславом Мстиславичем, летописец упоминает как Андрей, лишенный оружия («изломи... копие свое въ супротивне своем») и коня («ят бо бе двема копиема под ним

конь, а третьим в переднии лук седелныи»), бежал к городу, осыпaeмый градом камней, летевших «яко дождь» со стен города. А тут еще некий «немчичь» попытался пронзить его рогатиной... «Но Бог соблюде и [его] многажды: бо Бог уметаеть в напасть любящая Его, но милостью Своею избавляеть». Здесь, как видим, Андрей прямо упоминается как «любящий Бога».

Так что с прозвищем нашего князя тоже все непросто...